

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ТАКТИКИ И ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ И АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Джон Раунд, Колин Уильямс, Питер Роджерс

Опираясь на предложенное де Серто понятие повседневной жизни и его же разграничение стратегий и тактик в ежедневных практиках, данная статья описывает роль неформальных экономик в постсоветской Украине. Исследование, основанное на опросе 700 домохозяйств и 75 глубинных интервью с жителями трех украинских городов, показывает, что индивиды и хозяйства разработали широкий спектр тактик в ответ на экономическую маргинализацию, которую переживает страна с момента распада Советского Союза. В статье обсуждается значимость неформальной экономики в современной Украине. Основываясь на разнообразии подобных тактик, авторы показывают, как неравные властные отношения определяют пространства, которые могут одновременно являться местами эксплуатации и сопротивления экономической маргинализации. Способ оформления описываемых экономических пространств препятствует развитию государственной социальной политики, отвечающей интересам экономически маргинализованной части населения.

Ключевые слова: экономическая маргинализация, тактики совладания, повседневная жизнь, неформальные экономики, Украина, власть

Введение

Попытки создания рыночной экономической системы на Украине встретили на своем пути немало проблем. Как и в случае с другими постсоветскими государствами, реформы начала 1990-х годов здесь сопровождались быстрым экономическим спадом, в результате чего в стране сложилась ситуация

Впервые опубликовано: Round J., Williams C. and Rodgers P. Everyday Tactics of Power: the role of informal economics in post-Soviet Ukraine // Social and Cultural Geography. 2008. Vol. 9. № 2. P. 171–185. Перевод и публикация осуществлены с любезного разрешения издателя и авторов.

экономической неопределенности. Предполагалось, что экономический рост позволит населению выбраться из нищеты. Спустя пятнадцать лет стало очевидно, что экономические системы, развившиеся на Украине под влиянием процессов обновления, не привели к улучшению ситуации. В 2006 году более 10 миллионов украинцев, то есть примерно 20 % всего населения, жили на доходы, размер которых не достигал прожиточного минимума, установленного государством. Низкие заработные платы и пенсии при сравнительно высоких ценах привели к тому, что многие из тех, чьи доходы превышают прожиточный минимум, также оказываются подвержены экономической маргинализации. В качестве ответной реакции многие украинцы вовлекаются в неформальные экономические практики для получения дополнительного дохода. Эти практики породили дискуссию в академической среде о том, являются ли они ситуативными реакциями [Clarke, 1999] или долгосрочными стратегиями, рассчитанными на обеспечение выживания домохозяйства [Burawoy, Krotov and Lytkina, 2000]. Благодаря большому количеству исследований, обосновывающих долгосрочный характер подобных практик, сегодня они воспринимаются как значительно более сложные явления [Обзор этих дискуссий см.: Burawoy, Krotov and Lytkina, 2000; Round, 2006; Wallace, 2002].

Данная статья показывает, что с учетом всего спектра подобных практик существует необходимость вновь проблематизировать этот феномен и подвергнуть осмыслению пространства, в которых эти практики реализуются. Например, можно ли сравнивать такие неформальные практики, как продажу продуктов, выращенных в домашних условиях, и мафиозную деятельность, если оба вида деятельности приносят дополнительный доход? Чтобы ответить на этот вопрос, мы используем предложенное де Серто разграничение тактик и стратегий и покажем то, как это разделение поможет выявить властные отношения, оформляющие пространства, в которых осуществляются неформальные практики. Например, даже такая простая практика, как неформальная продажа продуктов у входа станции метро, может сказать нам многое о стратегиях власть имущих и о тактиках тех, кто находится в ситуации экономической маргинализации. И это вовсе не очередное бинарное противопоставление, поскольку границы между стратегиями и тактиками могут быть весьма нечеткими, а индивиды могут использовать и те, и другие, даже внутри одной практики. Вслед за раскрытием основных положений этой дискуссии, мы приведем обзор социальных проблем актуальных для Украины сегодня, который завершится кратким изложением методологии и результатов исследования, лежащих в основе данной статьи. Для этого будут разработаны два кейс-стади – продажа произведенных в домашних условиях продуктов и неформальная работа, связанная с формальной занятостью.

Эти рассуждения подводят нас к дискуссии о том, каким образом пространства неформальных практик становятся местами сопротивления и местами эксплуатации одновременно. Статья завершается оценкой влияния данного феномена на долгосрочное экономическое и социальное раз-

витие Украины. Кроме того, показано, как эти проблемы влияют на способности государства создать эффективную социальную политику, чтобы предотвратить глубокую экономическую маргинализацию людей.

Стратегии и тактики повседневной жизни

Лефевр, говоря о невозможности создать единую теорию повседневности, утверждал:

Более того, системы не существует, поскольку, как мы уже убедились, есть слишком много подсистем, которые находятся не только **вне единой системы**, но и **на разных уровнях реальности**, пустоты и интервалы между которыми заполнены блуждающими туманами [Lefebvre, 2000. P. 98, выделено в оригинале].

В контексте изучения пространства неформальных экономических практик на Украине образ «блуждающих туманов» весьма уместен. В связи с высоким уровнем неформальной активности многие экономические пространства представляются неоднородными, к примеру, рынки, в рамках которых сосуществуют формальные и неформальные, легальные и нелегальные, управляемые государством и «мафией» подсистемы, функционирующие самостоятельно, и не имеют прозрачных границ. Так, продажа продуктов на рынке может включать в себя и формальные, и неформальные элементы, одновременно управляться и государством, и «мафией», работающими в сговоре, и тогда весь процесс происходит непрерывно, плавно перемещаясь сквозь границы легального и нелегального пространства. Таким образом, это невероятно сложные и изменчивые пространства, и для того, чтобы преуспеть в них, необходимо научиться действовать внутри «туманов». Это, однако, не означает, что властные отношения и практики, создающие подобные пространства, могут быть обнаружены или полностью раскрыты. Продавец на рынке может и не понимать, каким образом функционирует система отношений рынка в целом или как его работа соотносится с более широкомасштабными процессами, но он может прекрасно ориентироваться во всех нюансах продажи товаров на своем небольшом участке, внутри рыночного сектора.

Несмотря на то, что подобные сложные отношения внутри системы характерны для любой экономики, в контексте постсоветских государств они проявляется наиболее отчетливо в связи со слабым институциональным развитием. Согласно Лефевру, «государство привязывает себя к пространству посредством сложных изменяющихся отношений, проходящих через определенные критические моменты» [Lefebvre, 2003. P. 84]. Для постсоветских стран ключевым «критическим моментом» явился развал Советского Союза. Вырастая из систем с командной экономикой, эти государства вынуждены были вырабатывать рыночные институты и предписания в ситуации угрожающей нестабильности. Лефевр определяет три «момента» в этом обязательном процессе: формирование национальной территории, включая кар-

тографию и инфраструктуру государства, создание социального пространства, включая институты, законы и нормы, и определение роли государства в персональном пространстве индивидов, другими словами, конструирование индивидуальных отношений с государством. Лейн полагает, что после распада Советского Союза реформы проводились без учета последствий развала прежних экономических систем, особенностей и специфики постсоветского пространства [Lane, 2000. P. 485]. Предполагалось, что сила рыночных отношений автоматически приведет к стремительному развитию институтов, предписаний, культур и практик, необходимых для эффективного функционирования неолиберальной рыночной системы [Smith and Swain, 1998].

На Украине первоначальные реформы 1990-х годов были направлены скорее на то, чтобы не допустить возвращения коммунистов к власти, нежели на построение институтов нового общества. Так, если создание независимого пространства, имеющего четкие границы и образ русского «другого», относительно которого конструировалась национальная идентичность, происходило незамедлительно и независимо, то создание социальных пространств оказалось гораздо более проблематичным. Вместо «рыночной» экономики появилась олигархия. Ее безграничная политическая и экономическая власть означала, что эта группа могла оформить экономические и социальные пространства в свою пользу [Wilson, 2005]. Одновременный провал в попытках создания сильных институтов позволил коррупции породить тот самый «блуждающий туман», образовавшийся в плохо управляемых пространствах. И наоборот, те, кто по вине реформ попали в положение экономической маргинализации, были вынуждены обратиться к своим собственным неформальным практикам. Так образовались две различные группы, завладевшие частью экономического пространства, тем не менее, поскольку их мотивы кардинально различались (клептократия vs. выживание), следует провести различие этих практик на теоретическом уровне. Размышления де Серто о стратегиях и тактиках как практиках повседневной жизни – важный отправной пункт для такого разграничения. Он говорит:

Я называю стратегией расчет или манипуляцию властными отношениями, которые становятся возможными, как только субъект с волей и властью (бизнес, армия, город, научный институт) оказывается в изолированном положении. Что предполагает наличие обособленного места, которое может служить основой для построения отношений и управления внешним, состоящим из целей или угроз [de Certeau, 1984. P. 36].

Эти стратегии могут принимать различные формы, например, предприниматель может увеличивать свой доход, время от времени «забывая» заплатить своим работникам [Wilson, 2005], или представитель власти может определять, кто имеет, а кто не имеет право продавать товары в определенных местах. Далее, как отмечают Андерсен и Грей [Anderson and Gray, 2006], участие в коррупционных практиках – стратегия слишком многих людей на Украине. Коррупция такого масштаба позволяет контролировать экономические пространства вне рамок формального регулирования.

В свою очередь, тактики, по словам де Серто, являются способом согласования пространств, которые оформляются властью имущими при помощи стратегий: «пространство тактики – это пространство другого» [de Certeau, 1984. P. 37]. Автор утверждает: «применение стратегий позволяет создавать, упорядочивать и фиксировать пространства, в то время как тактики могут лишь использовать, манипулировать или избегать эти пространства» [Ibid. P. 30]. Примером подобных взаимоотношений, как мы увидим позже, является пространство постсоветского рынка. Существуют определенные формально закрепленные места: чтобы торговать здесь, необходимо получить разрешение. Однако на пространстве постсоветского рынка также действует множество таких неформальных практик, как продажа контрафактной продукции, неуплата налогов и предложение взятки за торговое место. Вокруг этих рынков формируется слой неформальных продавцов, не имеющих капитала, связей или потребности в лицензии на свои товары. Но и эти пространства также являются формализованными, поскольку, по словам респондентов, милиция требует неформальную плату за возможность торговать здесь без разрешения. Совместно эти практики образуют пространства рынка. Чтобы действовать в данных пространствах, неформальные продавцы должны предвидеть следующие шаги сотрудников милиции и уметь определять тех, кто более сочувственно относится к их ситуации. Это иллюстрирует предположение де Серто о том, что тактики мобильны, что они «незаконно действуют» в пространствах и «устраивают неожиданности» внутри них [Ibid. P. 38]. То, что респонденты действительно «действуют незаконно» в поисках возможностей, еще не значит, что их действия перестают быть тактиками, как считает Кларк [Clarke, 1999], поскольку они формируют часть широкого спектра как планируемых, так и спонтанных практик, являющихся ответом на экономическую маргинализацию.

Смит и Штеннинг [Smith and Stenning, 2006] полагают, что не стоит отдавать предпочтение домохозяйству как единственному пространству, отвечающему на вызовы экономической маргинализации. К тому же, как отмечает Раунд [Round, 2006], домохозяйство нельзя рассматривать вне государства и общества. Таким образом, необходимо апеллировать не только к механике неформальных процессов, но также проблематизировать то, каким образом эти процессы реагируют на те пространства, внутри которых они реализуются. Корни многих тактик уходят в советское прошлое (например, выращивание овощей и фруктов в домашних условиях или использование социальных сетей для получения товаров или услуг). Что изменилось – так это обоснование подобных практик. В советское время они помогали обойти проблему дефицита, но сегодня, из-за стратегии низкой оплаты труда в ситуации высоких цен, с их помощью можно заработать деньги для покупки необходимых товаров, а также добиться самостоятельности и участия в сетях взаимобмена. Долговечность подобных практик означает, что они во многих случаях тесно связаны с пространствами, в рамках которых

реализуются. Как показывает Раунд [Round, 2005], это приводит к тому, что индивиды склонны обосновывать свою деятельность неэкономическим фактором, в ущерб экономической «рациональности». Таким образом, люди, уверенные, что их тактики работают в определенном пространстве, скорее, останутся там, чем переедут в более дешевый для жизни регион.

Продажа квартиры в Киеве и переезд в сельскую местность могут принести немалые деньги (одновременно поднимая вопросы их безопасного хранения), но этот шаг означал бы также необходимость разработки тактик в новых и незнакомых «блуждающих туманах». Пространства нового местожительства могут оказаться эксклюзивными, поскольку практики будут иметь здесь собственные глубокие корни, а также уже сложившиеся социальные сети, построенные на доверии и традициях, доступ к которым новичкам будет ограничен. Например, неформальные торговцы продуктами, работающие за границами формального рынка, хотели бы исключить новичков из этого пространства, чтобы не дать развиваться конкуренции. Так, продавцы могут применять стратегию, обеспечивающую постоянное присутствие в этом месте одного из торговцев, чтобы он не позволял кому-либо другому использовать это пространство. Или же торговцы могут не делиться информацией с новичком, усложняя его задачу продать здесь товар. Следовательно, люди могут использовать одновременно различный набор тактик и стратегий. Это отсылает нас к работе Аллена [Allen, 2004. P. 20], посвященной способам формулирования принципов власти, в которой говорится, что «различные и многочисленные модальности власти оформляются по-разному во времени и пространстве». Рассуждая о потоках власти, локализованной на площади Потсдамер Платц в Берлине, он демонстрирует, как власть контролируется не только при помощи обычных техник, вроде средств наружного наблюдения, но также посредством «опыта пространства самого по себе» [Allen, 2006, P. 442]. Вследствие этого, те, кто имеет опыт приспособления к «блуждающим туманам» того или иного пространства, также способны влиять на процесс формирования этого пространства. Однако существуют различия между такой стратегической формой и, к примеру, практиками коррумпированного политика. Поэтому можно провести границу между защитными стратегиями, применяемыми для того, чтобы обеспечить постоянство определенных тактик, и агрессивными стратегиями, направленными на расширение области контроля над экономическими пространствами.

Значимость неформальных экономических практик в повседневной жизни Украины

Наш анализ основан на проведенных в хозяйствах полуструктурированных интервью, более детальных глубинных интервью, содержащих открытые вопросы, а также бесчисленном множестве «бесед на кухне», состоявшихся в 2005 и 2006 годах. Всего было проведено 700 интервью в хозяйствах

в трех городах Украины: Киев (450 интервью), Ужгород (150) и Харьков (100). В Киеве изучались городские районы Печерск (150) и Вышнодар («богатый» и «маргинализированный» районы, соответственно), а также «более сельский» район Васильки (150). В других городах проводилось сравнительное исследование городских и сельских районов. Использование выборочной стратегии было обосновано необходимостью получения наиболее полного доступа к различным уровням общества. В каждом выбранном районе было также проведено пятнадцать дополнительных качественных интервью, содержащих открытые вопросы. Были проинтервьюированы представители государственных, региональных и местных «элит». Научный ассистент проекта провел одиннадцать месяцев на Украине, из них три месяца в стране присутствовал ведущий автор исследования. Эти города были выбраны для изучения влияния места на неформальную деятельность, например, влияние расширения Европейского Союза на приграничный Ужгород или значимость традиционных торговых связей Харькова с русскими городами. В этой статье мы сосредоточились на изучении деятельности тех, кто склонен считать себя экономически маргинализированными. В исследовании были обнаружены интересные гендерные вариации в неформальной экономической деятельности, в том числе практики ухода за детьми или торговли продуктами, фактически воспроизводящие структуру гендерных ролей в обществе. В пространствах реализации неформальных экономических практик гендер играет важную роль, особенно в сочетании с фактором возраста: пожилые женщины включаются в эти практики нередко по причине ухудшения здоровья их мужей. Практики респондентов, наделенных властью, например, милиционеров, государственных служащих или директоров школ, представляют фон для анализа, поскольку именно они оформляют пространства, внутри которых экономически маргинализированные члены сообщества осуществляют свои практики.

Шкала неформальной активности

По заявлениям правительства Украины, доходы примерно 20 % населения (10 миллионов граждан), считаются живущими за чертой бедности, находятся за чертой прожиточного минимума. При этом размер прожиточного минимума имеет мало общего с реальным уровнем затрат в повседневной жизни. В январе 2006 года средняя заработная плата взрослого работоспособного украинца составляла 483 украинских гривны в месяц (примерно 96 долларов в месяц). Только 3,5 % респондентов на вопрос, считают ли они возможным существовать «нормально» на подобные деньги, заявили, что это возможно, в то время как 92 % дали отрицательный ответ. Подобное мнение встречалось и в качественных интервью, например, в интервью со служащим, чей формальный доход был существенно выше прожиточного минимума:

Я инженер и работаю по профессии уже давно. Я бы хотел, чтобы моя зарплата в большей мере соответствовала стоимости жизни, поскольку 600–700 гривен [около 180 долларов в месяц] просто не хватает на жизнь.

На эти деньги я могу накормить свою семью, но мне нужно зарабатывать больше, чтобы одеть их. Моя зарплата не соответствует той работе, которую мы выполняем, я бы хотел, чтобы она была выше, но – увы! Мне приходится проводить большую часть свободного времени подрабатывая [работая неформально] (Муж., 37 лет).

Другим проблемным аспектом прожиточного минимума является то, что эта категория работает исключительно в контексте адекватно функционирующей рыночной экономики. Например, считается, что пожилые граждане имеют доступ к бесплатной медицинской помощи и лекарствам, следовательно, цена этих услуг и товаров не включается в прожиточный минимум. Однако большинство опрошенных пожилых граждан заявили, что для них практически невозможно получить доступ к бесплатным лекарствам либо потому, что их просто не бывает, либо потому, что медицинские работники запрашивают неформальную плату за выписку рецептов или отпуск лекарств. Из 199 хозяйств, в которых один из членов имел право на бесплатные лекарства, более 2/3 заявили, что получить их очень тяжело. Многие люди трудоспособного возраста говорили о том, как часто им приходится совершать похожие неформальные траты в ходе повседневной жизни, например, чтобы отдать ребенка в школу или помочь ему сдать экзамены или сделать ремонт при содействии работников коммунальных служб. Дополнительно к росту цен на потребительские товары инфляция намного обгоняет все позитивные изменения прожиточного минимума, а подобные дополнительные траты делают повседневную жизнь еще более дорогой. Это дает основание предположить, что официальная статистика по бедности не отражает реальный уровень экономической маргинализации на Украине.

Как уже отмечалось исследователями, по большей части, в отношении России [См., например: Arnsberg and Borein, 2003; Humphrey, 2002; Round, 2006], чтобы добиться стандартного уровня жизни для своей семьи, люди обращаются к неформальным практикам занятости с целью получения дополнительного дохода. Результаты опроса в домохозяйствах показывают, что на территории Украины имеется большое многообразие неформальных практик. Респондентов из домохозяйств попросили выбрать две главные стратегии получения дохода. Только 10,1 % респондентов ответили, что они опираются исключительно на свою формальную зарплату / пенсию, в то время как 26 % заявили, что они сочетают формальную зарплату / пенсию и неформальный доход. В целом, 38 % респондентов заявили, что выполняют неформальную работу за наличные, при этом 77 % из них считают такой заработок важной или исключительно важной статьёй бюджета их домохозяйства. Показатель значимости неформального заработка гораздо выше у тех, чей доход низок. Такая неформальная работа бывает разных видов. Общей для людей трудоспособного возраста является уже упоминавшаяся выше «подработка».

«Подработка» означает, что человек неформально берет на себя дополнительную к основной работе, часто используя время основной работы

и оборудование своей компании. Например, водопроводчик может выполнить работу «мимо кассы» для обратившегося в его фирму, оказав этому клиенту услуги по цене ниже официальной. Или школьный учитель может проводить для учеников уроки после школы или готовить их к поступлению в университет, используя контакты, установленные во время рабочего дня.

Среди других практик, связанных с формальной занятостью и обсуждавшихся в ходе исследования, – подмена товаров в магазинах (можно заработать на разнице в ценах), кража товаров с работы с целью перепродажи в другом месте (еды, строительных и компьютерных материалов), перенаправление клиентов, а также требование взяток за услуги и предоставление помещений для альтернативного использования. Многие респонденты занимаются тем, что можно было бы обозначить термином «микрорпредприятие», что может включать продажу выращенных в домашних условиях продуктов и цветов, сдачу в аренду недвижимости или перепродажу на оживленных улицах товаров, купленных на краю города. Другие практики не подпадают под традиционное понимание экономики, представляя собой важный для многих домохозяйств обмен продуктами и услугами в кругу семьи и друзей. Хотя посредством такого обмена происходит перераспределение денег, чаще всего эта практика подразумевает совместное использование товаров или дарение подарков. Продукты, выращенные в домашних условиях, также очень важны для многих домохозяйств, а именно, для 35 % респондентов, имеющих доступ к земле. При этом 76 % из них заявили, что выращиваемая продукция важна для ежедневного рациона их семей.

Все эти практики действуют вне формального надзора государства, поскольку налоги с доходов от них не уплачиваются. Неформально же, как будет показано ниже, они часто оказываются в поле зрения отдельных государственных агентов, например, полиции, требующей взятки за разрешение продолжать осуществление деятельности. Такие взятки могут выглядеть по-разному – в виде наличных денег или товаров, предназначенных на продажу, или оказания бесплатных услуг. Важно здесь не принимать точку зрения официальных представителей власти, согласно которой люди просто пытаются «обмануть государство», избегая уплаты налогов. Исходя из описания, приведенного в работе Уильямса, Раунда и Роджерса [Williams, Round and Rodger, 2007], существует множество барьеров на пути к формализации подобной деятельности. Респонденты говорили о том, насколько дорогим и затянутым является бюрократический процесс легализации в сфере малого бизнеса – он просто не стоит того, чтобы в него втягиваться. Это вновь возвращает нас к представлению о том, как «работает» рыночная экономика на Украине, причем в контексте распространенных опасений, что выходя в область, видимую государству, человек становится более уязвимым для неформальных действий со стороны государственных служащих, готовых потребовать взятки за разрешение на продолжение торговли, за защиту или освобождение от непосильных

налогов [Подробнее о тайной природе коррупции в постсоветских пространствах см.: Goorha, 2000; Markovskaya, Pridemore and Nkajima, 2003; Wallace and Latcheva, 2006]. Во многих случаях подобный бизнес оказывается слишком мал, чтобы вынести все дополнительные траты.

Подобные практики также часто реализуются на рабочем месте, поскольку многие респонденты получают свою зарплату в виде сочетания формальной и неформальной частей. Хотя общая сумма оговаривается, с целью сокращения налоговых и пенсионных выплат работодатели часто предлагают выплачивать только часть зарплаты формальным образом, а оставшуюся часть – наличными. Эта практика на Украине часто называется «зарплатой в конверте», и почти каждый третий (31 %) респондент из числа имеющих формальную занятость, отметил, что в его или ее жизни это распространенная практика. Хотя, на первый взгляд, такой расчет выгоден для работника, многие респонденты отмечали, что им хотелось бы, напротив, получать настоящую, облагаемую налогами формальную зарплату. Этому есть много причин. Во-первых, неформальная часть зарплаты может выплачиваться нерегулярно, по прихоти менеджера или вообще не выплачиваться. Очевидно, планирование хозяйства из-за этого перестает быть стабильным, что только усугубляет стресс повседневной жизни. Во-вторых, становится гораздо сложнее получить кредит или ипотеку, поскольку заявлять можно только об официальной части зарплаты. Есть и долгосрочные последствия для размера пенсии. И, наконец, существует опасение, что подобная практика может попасть в поле внимания налоговой полиции, а участие работника в данной схеме окажется достаточным, чтобы повлечь за собой тяжелое наказание. Следовательно, неформальная деятельность не является простой попыткой «обмануть государство», она, скорее, вызвана структурными ошибками государства, будь то оплата работы государственным работникам по расценкам ниже прожиточного минимума, неспособность бороться с коррупцией или запутанные бюрократические процессы, затрудняющие формализацию экономики.

Пространства неформальных практик

Неформальные практики, наблюдавшиеся в ходе данного исследования, осуществляются внутри и на пересечении разнообразных пространств. К примеру, несколько респондентов занимаются переделкой одежды на дому. Их практика зависит от отношений с рыночными торговцами, которые пересылают клиентов к респондентам, а те в обмен на рекомендации бесплатно ремонтируют одежду торговцев и их друзей. Таким образом, подобные места развиваются в экономические пространства при помощи широкой социальной сети. Как считает де Серто [de Ceteau, 1984. P. 117], «пространство – это место, освоенное практикой», то есть стратегии и тактики в совокупности оформляют пространства, в которых они реализуются. Именно благодаря различению стратегий и тактик становится ясно, почему пространства постоянно изменяются в соответствии с ме-

няющимися властными отношениями и практиками. Это еще раз напоминает нам о метафоре «блуждающих туманов», поскольку, как отмечает де Серто [de Certeau, 1984. P. 117], пространство не обладает такими качествами места, как «однозначность и стабильность». На других примерах мы можем наблюдать то, как оформляются пространства внутри квартирных домов. Распространенной практикой пожилых граждан является неформальная работа консьержем у себя в доме. Иногда им выплачивается небольшая зарплата, но чаще за выполнение такой работы консьержей освобождают от необходимости платить за коммунальные услуги и ремонт. Занимая подобную должность, человек также может найти дополнительную работу внутри здания, например, присматривать за растениями и домашними животными на время отпуска хозяев квартиры. Эти обязанности можно выполнять за наличные или за овощи и фрукты, которые хозяин квартиры выращивает на даче. Можно говорить об ощущении сплоченного сообщества среди людей, живущих в соседних квартирах или домах.

Во многих случаях соседи организуют малые предприятия, например, вместе готовят еду для ближайших офисов или школ, открывают неформальные детские сады или перепродают в своем районе продукты, купленные по более низкой цене на оптовых рынках, расположенных на окраинах города. Наблюдая за созданием неформального детского сада, мы можем увидеть, как соотносятся между собой тактики и стратегии. Респонденты, вовлеченные в данную практику, занимаются этим из-за недовольства стратегиями государственных детских садов. Хотя такие сады должны быть бесплатными, большинство интервьюируемых родителей говорили о том, что часто якобы под каким-либо предлогом с них требовали заплатить деньги, то есть использовалась стратегия властного «привратника». Те родители, чьи дети были приняты в детские сады, отмечали, что с них продолжали требовать деньги в качестве платы за «ремонт здания» или за «оборудование», при этом намекая на то, что неуплата приведет к исключению ребенка. Не имея возможности заплатить, многие респонденты были исключены из системы государственных детских садов. Тактическим ответом на данную стратегию послужило сплочение групп родителей для формирования собственных пространств, отвечающих потребностям в услугах заботы о детях.

Роль рабочего места

На рабочем месте возникает много неформальных практик – как внутри этого пространства, так и вокруг него. Многие респонденты рассказывали, как они используют возможности, предоставляющиеся им на официальной работе. Так, один из респондентов работает на заводе, производящем продукты питания:

Почти каждый день я беру продукты с работы. Все так делают, даже начальники, и поэтому мне почти не светит потерять из-за этого работу. Иногда мы можем забрать домой мясо килограммами, и никто важный

этого не заметит. Мы кое-что съедаем сами дома, что-то отдаем друзьям, но чаще мы продаем эту еду людям, которые потом перепродадут ее на рынке (Жен., 28 лет).

При всей очевидной нелегальности таких практик, что признается самими респондентами, им также ясно, что из-за низких зарплат у них не остается выбора. Другие практики строятся на том, что неформальная работа оказывается связанной с формальной занятостью. Это включает в себя, например, подработку квалифицированных рабочих за наличные деньги или дополнительные уроки и «консультации», которые учителя проводят после занятий в школе. Пример квалифицированных рабочих демонстрирует пространственность подобных практик, поскольку они поддерживаются широкими социальными сетями. Люди могут прийти на рабочее место с какой-либо вещью, требующей починки, но гораздо более часто рабочий приходит домой к клиенту. Клиентов находят, распространяя информацию через «сарафанное радио» и сети знакомых, – как отметил один из респондентов, отвечая на вопрос о том, как ему удастся найти неформальный заработок:

Мне помогают друзья. Они говорят своим знакомым, что я могу поменять трубу или что-то в этом роде, поэтому ко мне и приходят люди. Люди помогают друг другу. В нашем кругу мы все друг другу помогаем. У друзей есть мой мобильный телефон, они звонят, и мы договариваемся – так все и происходит (Муж., 41 год).

От такого работника не ждут, что он заплатит знакомому, нашедшему ему клиента, но он будет обязан «оказать услугу» в ответ, что в свою очередь способствует укреплению социальных связей. Эти связи строятся на доверии, общем пользовании информацией и знаниями, предоставлении доступа к пространству и общей обязанности не допускать представителей власти к этим практикам. Например, уже упоминавшийся респондент недавно отблагодарил друга за клиента, тайком забрав сантехнические материалы с работы и использовав их для ремонта ванны своего друга. Практики, связанные с рабочим местом, могут быть и стратегиями, к примеру, в случаях, когда инспектор ГИБДД требует взятки или репетитор «гарантирует» поступление в вуз, а бюрократ желает получить «подарок» за разрешение на предпринимательскую деятельность. Посредством таких процессов власть и имущие контролируют доступ к использованию различных пространств. Однако часто они объясняют свои тактики низкой оплатой труда и обязанностью давать все те же взятки людям, занимающим более высокие посты ради сохранения рабочего места. Таким образом, внутри властной структуры не определены границы между тактиками и стратегиями.

Пространственная природа производства продукции в домашних условиях

Ведение натурального хозяйства в домашних условиях – важная тактика для респондентов, 35 % из которых заявили, что имеют доступ к зем-

ле, на которой выращивают различную продукцию. Среди этих людей 76 % говорили о том, что подобная продукция составляет важную часть рациона их хозяйства. Такая практика представляет собой социальный процесс – 54 % отмечают, что обрабатывают землю вместе со своими друзьями, что, по их словам, делает труд более приятным и не таким тяжелым. Продукты делят между друзьями и семьей, и 84 % говорят о том, что подобная практика регулярна в их хозяйстве. Продукты также обменивают на другие товары или услуги:

- Мои соседи очень дружелюбны. Если вам надо, они придут и помогут. Они помогают мне заботиться о растениях, поскольку самой мне очень сложно это делать.
- Вы делаете что-то взамен за эту помощь?
- Мой сын, который слишком занят, чтобы помогать постоянно, приезжает сюда по воскресеньям навестить меня – если соседям нужно поехать в город или они хотят отвезти туда продукты, он их подвозит. Еще я выращиваю много ягод, и делюсь ими с соседями (Жен., 64 года).

Из интервью становится ясно, что многие владельцы дач, оказавшиеся в положении экономической маргинализации, пытаются продать любой излишек продукции или выращивают некоторые растения специально на продажу, например цветы или травы, чтобы накопить денег и пережить зиму. Эти товары продаются либо рядом с дачами, у железнодорожных станций или вблизи других транспортных путей, либо у входов на рынки. Для того чтобы продать более дорогостоящие товары, особенно цветы, дачники могут поехать в ближайший городской центр и реализовать свою продукцию по более высоким ценам. Получить разрешение таким торговцам было бы невозможно из-за высокой платы и бюрократической волокиты. К тому же, наличие разрешения означало бы необходимость платить налоги. Однако то, что эти места не являются формальными местами торговли, вовсе не означает, что они никак не регулируются. Первым препятствием в продаже продукции здесь, как и в любом другом месте, где постоянно проходит значительное количество людей (например, на трамвайных остановках), является необходимость получить согласие тех, кто регулярно торгует в этих же местах. Учитывая число людей, которым нужно продать свой товар, не удивительно то, что главные места для продажи были заняты уже много лет назад, и местные торговцы не хотят никакой конкуренции со стороны новичков. Это пример защитной стратегии, которая применяется ради развития тактик. Чтобы найти свое место торговли, респонденты обращались за помощью к друзьям и знакомым, продававшим похожую продукцию, и просили разрешения поработать в тех местах, в которых торгуют они. В ответ их размещали на самых крайних торговых точках или выделяли определенное время, в которое они могли осуществлять торговлю. Подобная очередность существует во многих неформальных пространствах.

В более состоятельной местности есть очередность для тех, кто ищет вещи и еду в мусорных баках или просит у хозяев лавок на рынках гниющие фрукты и овощи. Некоторые продавцы рассчитывают на содействие неформальных таксистов, чтобы те помогли перевезти товары на продажу, часто расплачиваясь с ними своим же товаром. В ходе интервью с этими таксистами были выявлены пространства, в которых действуют подобные торговцы. Им приходится избегать центральных улиц городов, где у них гораздо больше шансов быть задержанными милицией, и места, где торговля жестко контролируется местной мафией. Многим нужно ехать очень далеко от дома, чтобы обеспечить безопасность своей торговли – так агрессивная стратегия, согласно которой каждый обязан платить за разрешение на торговлю, регулирует пространство.

Даже при наличии своего места торговцу потребуются освоить дополнительные тактики по ведению переговоров с милицией и мафиозными группами, его контролирующим. Милиция часто просит плату – наличными или товаром – за возможность продолжать неформальную торговлю. Внутри такой структуры, по словам респондентов, есть милиционеры, понимающие, что торговцы осуществляют продажу из-за бедности, а не потому, что они хотят обмануть государство. Следовательно, необходимо развивать отношения с этими группами надзирателей, чтобы запустить процесс торговли:

Со временем вы узнаете, что есть определенные смены милиции, которые не будут требовать с вас так много денег. И вы пойдете и будете продавать ваши продукты с 12 до 2 в четверг, например, потому что вы знаете парня, который работает в эту смену, и он ничего так. Если вы придете туда, а кто-то другой уже работает, проще уйти. Некоторые из них будут приглядывать за вами, если вы поделитесь с ним своими продуктами. Другие могут доставлять неприятности (Жен., 67 лет).

Распланированные государством и управляемые при помощи разрешений и ограничений, эти пространства только кажутся формализованными – как показано выше, они являются прибежищем бесчисленного количества тактик и стратегий, объединенных с целью создания невероятно плотного «блуждающего тумана».

Неформальные экономики как места сопротивления и эксплуатации?

Ранее приведенные аргументы не ставят своей целью романтизацию тактик экономически маргинализированных. Хотя эти тактики и не являются эксплуатационными в смысле производственного процесса, часто они представляются следствием низкого уровня оплаты труда и пенсионных выплат, но даже если и подразумевают автономию от рыночной экономики, они все еще пронизаны неравными властными отношениями. Яркий пример – учителя, дающие неформальные уроки за наличную плату.

Сначала респонденты предположили, что их неформальный доход высок, поскольку они преподают группам от 8 до 10 учеников по 5 долларов за час два-три раза в неделю. Однако в ходе дальнейших интервью несколько учителей из разных школ заявили, что они хотели бы отказаться от этой работы. На вопрос «почему?», – учитывая приносимый доход, – они ответили, что для того, чтобы иметь возможность так работать, необходимо платить «откат» директору школы в размере от 70 до 85 процентов – размер платы отличается от школы к школе. И теперь их шантажируют и требуют вести эти уроки, иначе директор угрожает донести в налоговую полицию. Это повергает учителей в глубокий стресс: респонденты считают, что директора школ также платят взятки за разрешение и дальше пользоваться своей стратегией, и таким образом их угроза приобретает вполне реальную силу. Как отмечает Аллен [Allen, 2006], власть выявляется в анализе опыта пространства, внутренних тактик и стратегий, тех эксплуатационных практик, которые осуществляются в пространстве класса.

Дополнительные уроки и впрямь представляют собой некоторый акт противостояния маргинализации, но при этом учителям приходится работать сверхурочно вдобавок к формальным обязанностям. Почти все респонденты говорили о том, что неформальная работа отнимает время у их семьи и друзей. Другой негативный аспект такой работы – унижение, которые испытывают респонденты из-за отношения государства, вынуждающего их заниматься подобной деятельностью. Как говорит один из респондентов:

Если Вы работаете на одной работе, зарплаты не хватит даже на то, чтобы выжить. Поэтому мы [большинство работников] вынуждены искать работу на стороне. Вот так вот! И нам приходится жить от одной дополнительной работы к другой. Так и живет обычный работник, наши зарплаты минимальные. У нас нет привилегий, только унижение (Жен., 28 лет).

Пожилым гражданам, хотя они и обладают большим запасом времени для занятия неформальными практиками, часто оказывается невероятно трудно работать физически, к тому же эти практики не обеспечивают им долгосрочной поддержки. Большинство респондентов говорит о том, что им было очень тяжело отложить значительную сумму денег, а те, кто вырабатывает продукцию в домашних условиях, не могут заработать больше суммы, которой им хватает на зиму. Респонденты, чей возраст близок к пенсионному, понимают, что ввиду низкого размера их пенсий им придется заниматься неформальным трудом, пока на это будет хватать сил.

Однако множество людей гордятся своими неформальными практиками. Они знают, что могут заработать на жизнь своего домохозяйства, несмотря на безразличие государства и стратегию низкой оплаты труда. Многие из этих практик невероятно изобретательны и могли бы обогатить формальную экономику, если бы барьеры к включению в нее не были бы такими высокими. Социальные сети, запускающие эти процессы, также

обеспечивают защищенность, степень которой гораздо выше экономической. Многие респонденты говорят о том, что их сети строятся на глубинном доверии, и благодаря этому индивиды знают, что во времена кризиса найдут к кому обратиться за помощью. Как говорит Лефевр [Lefebvre, 2006. P. 171], «повседневная жизнь была убежищем от трагического, и до сих пор им является: люди более чем где-либо, ищут и находят в повседневной жизни безопасность». Здесь создается и ценность пространств, внутри которых происходят эти процессы. Де Серто [de Certeau, 1988] обстоятельно описывает, как подобные сети и их пространственные элементы в условиях города расширяют «жилые комнаты» домохозяйства, втягивая повседневные пространства, окружающие его.

Например, использование небольшого участка земли для ведения натурального хозяйства может рассматриваться государством как «возврат к прошлому», тормоз в развитии «рынка». Но такой участок может быть жизненно необходим для тех, кто его использует, не только благодаря производящейся на нем продукции, но и благодаря тому пространству противостояния, которое он собой представляет по отношению к внешне навязанной маргинализации. Как говорит де Серто относительно использования людьми своей соседской общины и сетей, связанных с ней: «“Тут мне хорошо” – благополучие, которое не до конца выражается при помощи языка, возникает мимолетным проблеском и само становится пространственной практикой» [Ibid. P. 108].

Такие чувства явно присутствуют в пространствах, в которых осуществляются описываемые практики, и перефразируя де Серто, многие люди продолжают верить, что «здесь можно выжить». Как показано в работе Раунда [Round, 2005], эта вера приводит к тому, что люди решают оставаться в регионах с экстремальной маргинализацией, и отказываются переезжать туда, где они не включены в социальные сети, или где, что более важно, они не ориентируются в местных «блуждающих туманах». Пространства, в которых действуют неформальные практики, могут быть одновременно пространствами формальных и неформальных процессов, стратегий и тактик, эксплуатации и сопротивления, где для внешнего наблюдателя границы часто кажутся размытыми. Поскольку власти не желают принимать подобную сложность, предпочитая приравнивать неформальные процессы к попытке уклониться от уплаты налогов, для них оказывается непосильной задачей разработать социальную политику, которая внесла бы позитивные изменения в повседневную жизнь экономически маргинализированных жителей Украины.

Заключение

Существует широкий спектр тактик, стратегий и неформальных практик, которые часто невозможно развести по бинарным позициям. Хотя для кого-то такое заключение может показаться неудовлетворительным, опи-

сываемая сложность отражает подчас хаотичную повседневность постсоветских стран. К тому же выделение подобных различий приводит к созданию более сильного аналитического инструмента исследования неформальных экономических практик и способов, которыми они оформляют пространства, где сами же и реализуются, взамен упрощенному именованию их ответом на вызовы и возможности, появившиеся с развалом советской экономики. Исследование тактик и стратегий также раскрывает властные отношения, существующие внутри формальных и неформальных экономик, показывая, что власть действует на разных уровнях, и что иногда вовлечение в неформальные тактики ведет к созданию собственных стратегий, направленных на защиту пространства этих тактик. Следовательно, есть определенная польза в том, чтобы развивать различие, введенное де Серто, и предполагать, что существуют также защитные и агрессивные стратегии. Попытки продавцов цветов исключить конкурентов из пространства, где они торгуют, не следует сравнивать с действиями тех, кто взимает взятки за разрешение на торговлю в этом месте. Одним из главных качеств экономической маргинализации в постсоветских регионах является ее долговечность. Предполагалось, что экономический рост после перехода к рынку будет быстрым. Спустя пятнадцать лет многие все также живут за чертой бедности, однако дискурс надежды на экономический рост продолжает преобладать в государственном мышлении. Концептуализация стратегий, предложенная де Серто, помогает объяснить, почему это происходит. Если стратегии власть имущих подразумевают повторяемость и дальнейшее накопление богатства, каковы могут быть их стимулы для изменения своих практик и участия в создании более справедливого общества?

Хотя государство периодически запускает антикоррупционные программы, они мало влияют на сложившуюся ситуацию. Респонденты говорят о том, что из-за подобных мер только увеличивается размер взятки, поскольку те, кто эту взятку просят, «сильнее рискуют» в периоды усиленного надзора. Таким образом, в то время как «туманы» между бизнесом и государством становятся практически непроницаемыми, государству оказывается все труднее разработать регулятивную систему, эффективно борющуюся с коррупцией. К тому же, экономика сильно зависит от ренты. Поэтому, когда экономическая маргинализация испытывает на себе влияние монетарной политики, следует незамедлительная реакция рынка. Например, в 2006 году пенсии были увеличены и превысили прожиточный минимум, однако вся польза от этого была уничтожена инфляцией. Респонденты считают, что повышение пенсий только ухудшило их ситуацию, поскольку значительное количество товаров первой необходимости выросло в цене. Это значит, что при решении проблемы экономической маргинализации необходимо брать в расчет также неформальные практики и то, как на них влияет макроэкономика.

Как было показано в статье, неформальные экономические практики играют важную роль в повседневных тактиках экономически маргинализированных украинцев. Эти практики применяются и планируются как внутри домохозяйств, так и в более широком сообществе. Обсуждаемые тактики тесно связаны с местами, где они обнаруживаются. Значит, они связаны с чем-то большим, нежели просто с «экономикой», поскольку берут свое начало в практиках предков, культурном знании, немонетарном сотрудничестве и способности преодолевать властные отношения точно так же, как и правила формального обмена. Эти пространства могут быть одновременно местами противостояния и эксплуатации, олицетворяя собой индивидуальную гордость и гордость сообщества, которая выражается в способности выживать в ситуации жестких экономических условий, хотя эти процессы часто являются напряженными и небезопасными для подобного труда. Эти практики являются эксплуатационными, так как представляют собой последствия политики низких зарплат и пенсий и подвержены коррупции. Вдобавок к этому, неформальные практики поддерживают формальную экономику.

Например, если учитель не может заработать деньги неформальным способом, он будет вынужден покинуть профессию, поскольку формального заработка для жизни недостаточно. Если пожилые люди перестанут работать неформально, государству придется начать отвечать на вопросы, почему пенсия так низка и почему коррупции дозволено до такой степени вторгаться в повседневную жизнь этой социальной группы. Подобного освобождения от неформальных практик, безусловно, не последует, пока людям необходимо использовать эти практики для выживания, и поэтому, как отмечает Митчел [Mitchell, 2002], ничто не противопоставляется дискурсу доминирования рыночной экономики на государственном уровне. А государство продолжает не замечать тех, кто действует неформально, заявляя, что единственная их цель – избежать налоговых сборов. Без более тонкого понимания роли неформальных экономик в повседневной жизни тяжело разработать эффективную политику борьбы с экономической маргинализацией, коррупцией и злоупотреблением властными полномочиями.

Более того, государству чрезвычайно трудно выработать соответствующую модель социальной политики, если оно не распознает множественные роли неформальной экономики в повседневной жизни. Если государство концептуализирует неформальную экономику лишь в терминах неуплаты налогов, то на этом основании может снимать с себя ответственность за развитие мер социальной политики, способных помочь людям выйти из «бедности». Участие людей в неформальной экономике нередко становится ответом на неудачи государственной социальной политики, ее неспособность ввести адекватную минимальную зарплату или сопротивляться коррупции. Для создания концептуальной рамки эффективной социальной политики украинское государство должно попытаться понять многомерную природу нефор-

мальной экономики и ее связи с формальной, для лучшего понимания важности повседневных тактик в ситуации экономической маргинализации.

Признательность

Данная статья – результат работы проекта «Выжить при постсоциализме: оценка роли неформального сектора в Украине», осуществлявшегося при финансовой поддержке Экономического и социального исследовательского совета (ЭСИС) (RES000220985). Мы выражаем свою признательность редактору статьи и трем анонимным рецензентам за конструктивную критику. Ранняя версия статьи была представлена на семинаре Городского центра факультета географии колледжа королевы Марии (Лондонский университет). Авторы хотели бы поблагодарить участников семинара за их исключительно конструктивные комментарии.

Список литературы

- Allen J.* The whereabouts of power: politics, government and space // *Geografiska Annaler*. 2004. № 86. P. 17–30.
- Allen J.* Ambient power: Berlin's Potsdamer Platz and the seductive logic of public spaces // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43. № 2. P. 441–455.
- Anderson J. and Gray C.* Anticorruption in Transition 3 Who is Succeeding... and Why? World Bank, 2006 // <http://siteresources.worldbank.org/INTECA/Resources/ACT3.pdf>.
- Arnsberg K.-L. and Borein T.* Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia. Stockholm: Södertörns Academic Studies, 2003.
- Burawoy M., Krotov P. and Lytkina T.* Involution and destitution in capitalist Russia // *Ethnography*. 2000. No1 (1). P. 43–65.
- Clarke S.* New Forms of Employment and Household Survival Strategies in Russia. Coventry: ISITO/CCLS, 1999.
- de Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
- de Certeau M.* The Practice of Everyday Life: Living and Cooking. Vol. 2. Minnesota: University of Minnesota Press, 1988.
- Goorha P.* Corruption: theory and evidence through economies in transition // *International Journal of Social Economics*. 2000. № 27. P. 1180–1204.
- Humphrey C.* The Unmaking of Soviet Life. Everyday Economies After Socialism. N. Y.: Cornell University Press, 2002.
- Lane D.* What kind of capitalism for Russia? A comparative analysis // *Communist and Post-Communist Studies* 2000. № 33. P. 485–504.
- Lefebvre H.* Everyday Life in the Modern World. L.: Athlone, 2000.
- Lefebvre H.* Space and the state // N. Brenner, B. Jessop, M. Jones and G. MacLeod *State/Space: A Reader*. L.: Blackwell, 2003. P. 84–100.

- Lefebvre H.* Critique of Everyday Life: From Modernity to Modernism (Towards a Metaphilosophy of Daily Life). Vol. 3. L.: Verso Books, 2006.
- Markovskaya A., Pridemore W. and Nakajima C.* Laws without teeth: an overview of the problems associated with corruption in Ukraine // *Crime, Law and Social Change*. 2003. № 39. P. 193–213.
- Mitchell T.* Rule of Experts: Egypt, Technopolitics, Modernity. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Round J.* Rescaling Russia's geography: the challenges of depopulating the northern periphery // *Europe-Asia Studies*. 2005. № 57. P. 705–727.
- Round J.* Marginalised for a lifetime. The everyday experiences of gulag survivors in post-Soviet Magadan // *Geografiska Annaler*. 2006. № 87. P. 15–34.
- Smith A. and Stenning A.* Beyond household economies: articulations and spaces of economic practice in postsocialism // *Progress in Human Geography*. 2006. № 30. P. 190–213.
- Smith A. and Swain A.* Regulating and institutionalising capitalism: the micro foundations of trans-formation in Eastern and Central Europe // J. Pickles and A. Smith (eds). *Theorising Transition: The Political Economy of Post-Communist Transformations*. L.: Routledge, 1998. P. 25–53.
- Wallace C.* Household strategies: their conceptual relevance and analytical scope in social re-search // *Sociology*. 2002. № 36. P. 275–292.
- Wallace C. and Latcheva R.* Economic transformation outside the law: corruption, trust in public institutions and the informal economy in transition countries of Central and Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 2006. № 58. P. 81–102.
- Williams C., Round J. and Rodgers P.* Beyond the formal/informal economy binary hierarchy // *International Journal of Social Economics*. 2007. № 34. P. 402–415.
- Wilson A.* Ukraine's Orange Revolution. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.

Джон Раунд

PhD старший преподаватель, Школа географии, наук о земле и окружающей среде Бирмингемского университета, Великобритания
электронная почта: j.round@bham.ac.uk

Колин Уильямс

PhD профессор Школы менеджмента Шеффилдского университета, Великобритания
электронная почта: c.c.williams@sheffield.ac.uk

Питер Роджерс

PhD научный сотрудник ЭСИС, Школа менеджмента Шеффилдского университета, Великобритания
электронная почта: Peter.Rodgers@sheffield.ac.uk

(Пер. с англ. А. Осинной под ред. Т.А. Разумовской и Е.Р. Ярской-Смирновой)
